

«РУССКИЙ ВЫЗОВ» И КОМПЛЕКС НАЦИОНАЛЬНОЙ НЕПОЛНОЦЕННОСТИ

**Об особенностях нашего сегодняшнего самосознания (по поводу статьи К.
Мяло, опубликованной в НГ, 12.04.1994)**

Статья Ксении Мяло написана с болью и страстью. Это — крик души. И именно потому, что это — крик души, полемизировать с ним бессмысленно, но прислушаться к нему, понять, что за ним скрывается, — нужно. Когда человек бьется в истерике, говоря, что его хотят или довести до самоубийства или устроить ему «мутацию» и «смену ци-вилизационного ядра», и угрожают этим самым самоубийством («национальным самоубийством 150-миллионного народа») и убийствами («Апокалипсис неизбежен»), слова его, разумеется, понимать буквально нельзя (в том числе и угрозы, которые в 99 случаях из 100 остаются пустыми словами), но все же к ним надо отнестись очень серьезно. Во-первых, потому что это — признак глубокого душевного страдания и нездоровья, во-вторых, потому что есть все же и один случай из ста. Так откуда же душевное страдание Мяло, что её мучает?

Из статьи видно, что мучают её не столько вещи «простые», «материальные» и очевидные: наша бедность, которая все увеличивается, преступность на улицах наших городов, коррупция и т. п. (хотя, разумеется, от всего этого она тоже страдает), — сколько чувство униженности русских. И это понятно, ибо чувство унижения — очень сильное чувство, причиняющее страдания большие, чем всякого рода материальные лишения. Но кто же унижает русских, откуда это чувство униженности?

По Мяло получается, что унижают, оскорбляют, не любят все — и Запад, и страны «ближнего зарубежья». Но основной источник этой униженности все же, если я правильно понял автора, — слабость собственного русского национального самосознания, неуважение русских к самим себе, закомплексованность на тему: «А что скажет Запад?» И я думаю, что тут она совершенно права. Если ты сам себя не уважаешь, не жди уважения и от других. И фактов, свидетельствующих о нашем неуважении к себе, — хоть отбавляй. Это проявляется и в том, что число поездок за рубеж у нас — важнейший показатель социального статуса, и в том, что большинство российских ученых готово при первой же возможности уехать на Запад, не думая о будущем российской науки, как большинство бизнесменов готово продать за валюту все, что угодно, и в том, что израильское посольство измучено русскими, пытающимися выдать себя за евреев, и во многом другом. Нормального, естественного патриотизма, любви и преданности своей Родине у нас удивительно мало (я говорю о любви и преданности, проявляющейся в каких-то конкретных делах, а не в разглагольствовании), и если бы в Москве открылась какая-нибудь иностранная контора, в которой можно было бы «продать Родину», я думаю, перед ее входом выстроились бы громадные очереди.

Но чего, мне кажется, не понимает Мяло — это того, что в национализме самоуважения ничуть не больше. Я не говорю о глубокой патологии, вроде веры в то, что горстка евреев может управлять Россией, что подразумевает глубочайшее уважение к евреям и такое же глубочайшее неуважение к себе. Я говорю о более обыденных и нормальных случаях, например, о фразе «Россия — великая держава», которая последнее время не сходит с уст всех наших политических деятелей. О чем говорит эта фраза? О том же, о чем говорили бы фразы: «Я — великий человек» или «Такой крупный ученый, как я», «Такой всеми уважаемый

человек, как я», — о глубокой, хотя и подавленной неуверенности, что это на самом деле так. Вообще хвастовство — всегда прикрытие ощущения собственной неполноценности, а национализм — всегда хвастовство. «Такой талантливый народ, как мы, проявлявший такой героизм и т. д. и т. п.» — замените в этих словах «мы» на «я» — и сразу же перед вами возникнет образ достаточно малопривлекательный и большого уважения не вызывающий. У Мяло такого пошлого хвастовства нет. Но ее угрозы Апокалипсисом — того же рода. Они очень напоминают пьяные угрозы всех поубивать. «Раз меня никто не любит и не уважает, я и сам себя убью и вам Апокалипсис устрою».

В глубине души такого человека — желание нормальных уважения и самоуважения, но как их добиться — он не знает и начинает думать — раз уж не любят, то пусть хотя бы боятся. Но угрозы всему миру и параноидальные идеи, что его хотят лишить «цивилизационного ядра» (эти идеи тоже призваны поднять самоуважение — если тебя хотят «мутировать» и лишить «цивилизационного ядра» — значит, все-таки кому-то ты очень нужен, кого-то твое «цивилизационное ядро» очень волнует), не прибавляют уважения и любви к тебе. Жириновский и Мяло — естественная реакция на поразительную слабость нашего чувства собственного национального достоинства и соответственно — на неуважение к нам других. Но это — такая реакция, которая усугубляет это неуважение и нелюбовь, которая обрекает нас крутиться в порочном кругу, вырваться из которого крайне сложно, и за которой прячутся тот же комплекс неполноценности и зависимость от мнения других, которые проявляются и у русских, лебезящих перед Западом. Тот, кто лебезит, легко становится шутом и хулиганом, но ни лебезя, ни хулигана, он не добьется того, о чем мечтает в глубине души — в «приличном доме» на равных его все равно не пустят. Самоуничижение и хвастовство, выклянчивание снисходительного одобрения и угрозы устроить Апокалипсис — это две стороны того же комплекса, основа здесь одна.

Когда же возник этот комплекс? Это, конечно, очень глубокий комплекс, прочно связанный с самой структурой нашей национальной личности. Возник он, очевидно, с первых серьезных контактов русских с Западом, когда русские обнаружили, что на Западе живут и богаче, и чище, и свободнее. Он в полной мере присутствует в «русофобии» Петра I, стремившегося, пользуясь выражением Мяло, именно к «мутации русского духа». Он проходит красной нитью через всю историю нашей культуры с ее постоянно амбивалентным отношением к себе и к Западу, борьбой «русофобии» и «русофилии». Иногда, правда, он ослабевал и почти исчезал, иногда — разгорался. Как мне кажется, он был слаб в первые годы Горбачёва, когда думалось, что еще немного — и мы будем приняты на равных в «семью европейских народов». Но сейчас он разгорается, принимая у многих совершенно патологические формы. И не мудрено. Ибо если оценивать наше поведение за последние годы с нормальных человеческих позиций, его нельзя не признать поведением глупым и постыдным. Стыдно за легкость и бездумность разрушения государства, совершившегося совсем не так, как англичане, например, демонтировали свою империю — сознательно и планомерно, а как-то сдуру, «под пьяную лавочку». Стыдно за наивную веру в рынок, который сам собой принесет молочные реки и кисельные берега. Стыдно за то, что демократия превратилась в бесконтрольное хозяйничанье разворовывающих страну клик. Стыдно за всеобщую продажность и кланчанье денег у иностранцев. Стыдно за 4 октября. А когда человеку стыдно, он очень часто и очень естественно начинает объяснять свои провалы не собственной дурью, а происками врагов и в конце концов может дойти до паранойи («меня мутируют») и угроз убийством и самоубийством.

Что же делать? Вообще-то ответ очень прост — стать нормальными, приличными людьми, достойными уважения.

Надо перестать хвастаться собственным величием. Надо четко понять, что действительно немислимая грандиозность сталинской империи была основана на идеологии, которая умерла, а без нее мы даже не такие уж большие. 150 миллионов — не так уж много по нынешним временам, тем более что эти самые 150 миллионов — не бог весть какие работники. Китайцев, которые сейчас развиваются куда быстрее и успешнее, чем мы, как известно, куда больше, и в XXI веке Китай просто не может не стать страной, значительно более сильной, чем мы. Правда, у нас есть унаследованный от советской власти ядерный потенциал, которым мы продолжаем слегка угрожать (не называя вещи своими именами), но потенциал этот может пригодиться только в случае, если мы всерьез решимся на буквальное национальное самоубийство.

Надо отбросить параноидальные страхи и прекратить такие же параноидальные угрозы. Завоевывать нас никто не будет, как никто не догоняет неуловимого Джо из анекдота. Я думаю, приснишь американскому президенту, что Россия завоевана США, он проснулся бы в холодном поту. И «мутировать» нас никто не собирается, если не подразумевать под мутацией превращение в нормальную, спокойную и никому не угрожающую страну, как «мутировала» после войны Германия, но и такую «мутацию» никто нам, к сожалению, сделать не может. И угрожать Апокалипсисом никому не надо.

Надо перестать лебезить перед сильными и богатыми и обижать слабых (обратите внимание, как по-разному мы ведем себя с Прибалтикой, замахиваться на которую боимся, ибо она — Запад, и с Грузией, Азербайджаном, Таджикистаном, народы которых долго не забудут российские войска, которым мы со смесью наивности и цинизма стремились придать статус миротворческих сил ООН). Но не надо и переходить от самоунижения и кланья к хамству и угрозам. Вообще надо вести себя нормально и достойно.

Не надо рассусоливать свои беды и обиды. Никто в них не виноват. Никто нас не толкал в Беловежскую пушу. Но раз уж пошли — надо найти мужество признать последствия этого. И никто нас, во всяком случае, сознательно, не гонит из своих стран, как французов гнали из Алжира. Может быть, прибалты и гонят, но оттуда как раз не очень-то и едут (всё-таки какой-никакой, а Запад). Но если мы будем подстрекать русских на «ирреденту» и пытаться оттяпать то, что «плохо лежит» и что мы торжественно признали не своим — могут и погнать. На Западе нас, действительно, сейчас не любят и нам не доверяют. Но доверять стране, которая так ведет себя со своими соседями, откуда исходят угрозы Апокалипсиса, где зарождаются и разрабатываются планы «последнего броска на Юг», расстреливаются неугодные парламенты, — нельзя.

И кроме того, надо нормально работать и для себя, и для своей страны, покончить с разгулом преступности и коррупции, создать наконец правовое демократическое государство и т. п. — вообще стать приличными людьми.

Но все это — легко сказать, но невероятно трудно сделать. Я не думаю, что это значит «перестать быть самими собой», мутировать и «сменить цивилизационный комплекс», во-первых, потому что наш цивилизационный комплекс все-таки не тождествен нашему комплексу неполноценности, во-вторых, потому, что перестать быть самими собой вообще невозможно, поэтому и думать об этом не нужно. Немцы, перейдя от состояния, в котором они были при Гитлере, к ФРГ, немцами быть не перестали, и даже евреи, став израильтянами (наверное, самая сильная «мутация» в новейшей истории), не перестали быть евреями. Но все же это — очень глубокое и очень трудное изменение, затрагивающее глубокие слои нашей национальной психики. И для того чтобы оно совершилось, надо прежде

всего увидеть правду, какой бы неприглядной она не была. Говорить: «Я — русофоб» — глупо. Мы и так все — русофобы, и так уже достаточно себя не любим (хотя для русского это все же лучше, чем говорить «я — туркофоб» или «я — юдофоб», как для еврея лучше быть юдофобом, чем русофобом или арабофобом). Но если сказать себе: «Такой, какой я есть, я и не заслуживаю особого уважения и любви», — и при этом не начать обвинять в этом всех кругом, не впасть в пьяные слезы и пьяный дебош — это же половина дела. После этого переход в состояние, когда ты и себе уже не противен и другие тебя не презирают, — относительно прост и естествен. Сможем ли мы совершить такой переход? Я думаю, в конечном счете — сможем.

Меня в этом убеждает примеры многих наций, прошедших через страдания, приступы комплексов неполноценности и настоящего безумия и в конце концов пришедших к современной общечеловеческой норме. Ведь в наших неврозах и комплексах мы тоже отнюдь не уникальны. Правда, немцам, например, чтобы очухаться и прийти в норму, пришлось перенести страшный разгром и потерю трети Германии. Может быть, истинный исторический смысл Жириновского и Мяло и заключается в том, чтобы привести нас к нормальному состоянию таким же сложным путем? Хочется надеяться, что есть все же и другие пути.